

ЦИНИЧНАЯ АФЕРА на уровне государства

О ПОЛЕМИКЕ ХРИСТИАН С СОВЕТСКИМИ АГИТАТОРАМИ В ОТНОШЕНИИ ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 1922 ГОДУ

Одним из распространенных стереотипов советской историографии изъятия храмового имущества в 1922 году являлся тезис о всенародной поддержке этой антицерковной кампании государства. И хотя изъятие ценностей часто проходило в форме грабежа и почти всегда на фоне волнений среди верующих, многие ученые до сих пор уверены: широкие слои народа с пониманием отнеслись к тому, что Церковь должна отдать властям все, что у нее есть, включая священные сосуды. Мифы об изъятии церковных святынь, порожденные советскими пропагандистами столетие назад, на основе новых архивных данных «Журналу Московской Патриархии» прокомментировал научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ, кандидат философских наук, кандидат богословия священник **Сергей Иванов**.

Недоверие лозунгам агитации

Ангажированные историки утверждали, будто бы Патриарх Тихон использовал фальшивую ссылку на «якобы нарушаемые при изъятии ценностей каноны»¹, его Послание от 28 февраля 1922 года в защиту святынь «не нашло отклика среди верующих»², а сам он был предан суду «по требованию народа»³. Те же христиане, которые высказали недоверие лозунгам правительства об использовании ценностей для помощи голодающим, просто были «обмануты церковными агитаторами»⁴. Как это ни странно звучит, но и через сто лет мифы, порожденные советской агитацией в 1922 году, продолжают свое существование не только в массовом сознании, но и среди отдельных представителей научного сообщества нашей страны. Свежий пример — показанный в мае 2021 года на телеканале «РОССИЯ 24» документальный фильм «Теория голода», посвященный истории голода в Поволжье в 1921–1922 годах. В нем, в частности, наряду с ценными для науки данными из самарских архивов были озвучены неверные умозаключения как в части помощи советской власти голодающим, так и в вопросе использования ею изъятых церковных ценностей, которые будто бы были потрачены на борьбу с голодом. Есть и другие историки, из года в год бездоказательно повторяющие, что с помощью церковных ценностей были спасены «тысячи и тысячи человеческих жизней»⁵.

То, что до сих пор не ясно некоторым нашим современникам, в 1922 году было понятно обычным прихожанам, вступившим в активную полемику с советскими агитаторами в защиту священных сосудов и чтимых икон. Анализ сводок местных отделов Государственного политического управления при НКВД РСФСР (ГПУ), осуществленный академиком Н. Н. Покровским, показал, что начало изъятия имущества из действующих храмов сопровождалось волнениями в большинстве губерний⁶. Этот факт не следует недооценивать, ведь русский народ после многих лет внешней и внутренней войны, голода и эпидемий не имел сил к масштабному сопротивлению никому не выбранной власти, однако не остался равнодушным к оскорблению своих святынь. В то же время сегодня известны отчетные документы Российского телеграфного агентства

(РОСТА) по агитационной кампании в прессе, согласно которым «изъятие ценностей прошло безболезненно там, где почва была подготовлена хорошей и умелой агитацией в газетах. И наоборот»⁷.

Преувеличенное значение агитации в отчетах, характерное для специалистов этого дела, нас не должно вводить в заблуждение. Мешающие властям «кривотолки» в народе как раз и начались с первыми агитационными заметками на эту тему. Редактор «Саратовских известий» раньше других начал газетную кампанию в поддержку изъятия, и ее ставили в пример другим региональным изданиям⁸, тем не менее верующие голодного Саратова исключительно горячо отреагировали на

Начало изъятия имущества из действующих храмов сопровождалось волнениями в большинстве губерний. Русский народ после многих лет войны, голода и эпидемий не имел сил к масштабному сопротивлению власти, однако не остался равнодушным к оскорблению своих святынь.

антицерковный декрет и выступили против конфискации церковных ценностей⁹. Другой характерный пример: по сообщению калужского отдела ГПУ, братия Пафнутьева Боровского монастыря отказалась выдать ценности, и для поддержки монахов собралось триста человек местного населения, которые не допустили членов комиссии по изъятию ценностей к работе. «Для ликвидации инцидента, — докладывали чекисты, — был устроен митинг, не давший положительных результатов, а также был вызван отряд в 60 человек с 2-мя пулеметами. Изъятие происходило при содействии вооруженной силы»¹⁰.

Вот в чем дело. Даже на этапе подготовки к изъятию агитация постоянно давала сбой, и для исполнения поставленных центром задач местная власть вынуждена была задействовать весь арсенал методов давления на верующих — уговоры и штрафы, применение вооруженной силы и аресты и, уже в разгар

кампании, ликвидацию органов церковного управления и организацию раскола среди духовенства. С началом же изъятия, подтвердившим полное игнорирование властями позиции Церкви, а также развертывания судебных процессов против духовенства и мирян на первый план в церковной реакции вышла задача подчинения декрету. Эта цель продиктована стремлением уберечь верующих от преследования, поскольку в тот момент еще оставалась надежда мирно договориться с губкомиссиями в вопросе о сохранении святынь. Конечно, ни Патриарх Тихон, ни его всероссийская паства не знали постановлений из секретных

Поезд с золотом длиной в семь верст

Первое утверждение агитации состояло в том, что «для покупки продовольствия за границей нужна не бумага, не обесцененные бумажные денежные знаки, а золото; только золото может спасти Поволжье. И духовенство должно дать золото, те мертвые капиталы, которые лежат в церквях в форме драгоценной утвари и других предметов культа»¹¹. Уже в феврале 1922 года данный тезис сопровождался сообщениями об отсутствии у государства запасов золота и драгоценностей и надеждами, что ценностями церковью «можно спасти половину Поволжья от смерти и людоедства»¹². «Для исполнения этой очень большой и очень тяжелой задачи, — настаивал бывший священник и правая рука Л. Д. Троцкого в антицерковной акции М. В. Галкин (Горев), — нужно сейчас золото, и еще золото, и в третий раз золото. И раз это нужно для спасения голодных, мы должны всунуть по золотому слитку в алчные пасти зарубежных банкиров»¹³. При этом в оценке значения имущества Русской Церкви для голодающих Галкин пошел еще дальше и не поленился на своих деревянных счётах сделать новый, уже совсем фантастический расчет: если собрать все церковные ценности и загрузить ими поезд, длина этого поезда составила бы семь верст, а хлеба, закупленного на них, хватило бы на пропитание всех голодающих в течение двух лет¹⁴. Такого рода «данные» сразу были подхвачены прессой, разошлись в листовках и плакатах, озвучивались на митингах, а затем и в революционных трибуналах.

Естественно, что прихожане сельских, да и большинства городских церквей знали, что никаких «золотых сокровищ» в них просто нет, но как они могли донести правду до организаторов изъятия в условиях разгромленной еще в 1918 году церковной печати? Между тем Предстоятелю Русской Церкви представился случай публично разъяснить положение дел. В середине марта в газетах начался двухнедельник проверки помощи голодающим, в рамках которого «Известия ВЦИК» разместили на своих страницах проведенные корреспондентами беседы с Патриархом Тихоном, главным раввином Москвы Я. И. Мазе, зампредом Центрального духовного управления мусульман К. К. Тарджи-

Агитационный плакат. Художник Михаил Черемных, автор текста Владимир Маяковский

протоколов комиссии Л. Д. Троцкого о целях, направлениях и сроках настоящей реализации ценностей, тем не менее их недоверие лозунгам агитации имело твердое основание. Вместе с отчетливым пониманием богоборческой природы новой власти верующие не могли не видеть очевидных изъянов и нестыковок в самой агитационной кампании. Это и позволяло им не только защищаться от наскоков советских журналистов, но и активно доносить свои возражения до самых высоких инстанций. Рассмотрим три важнейших тезиса, выдвинутых представителями государства в пользу изъятия церковных ценностей, а также их критику со стороны православного общества в контексте новых архивных данных.

мановым, католическим деканом П. П. Зелинским и рядом представителей ученого сообщества. Здесь Святейший Тихон и подчеркнул, что вокруг вопроса о церковных ценностях подняли слишком много шума, в храмах нет предполагаемой в прессе огромной массы золота и драгоценных камней, в большинстве же случаев «церкви располагают серебряными вещами, и не в столь значительном количестве, как можно было бы думать»¹⁵. То же самое он сказал и на встрече с подготовленными в ГПУ и подосланными к нему «делегатами Поволжья», отвечая на провокационный вопрос, почему нельзя сдать золотые сосуды, заменив их на сосуды из простых металлов: «Да в ваших деревнях и золотых-то сосудов нет, чего же сдавать?»¹⁶

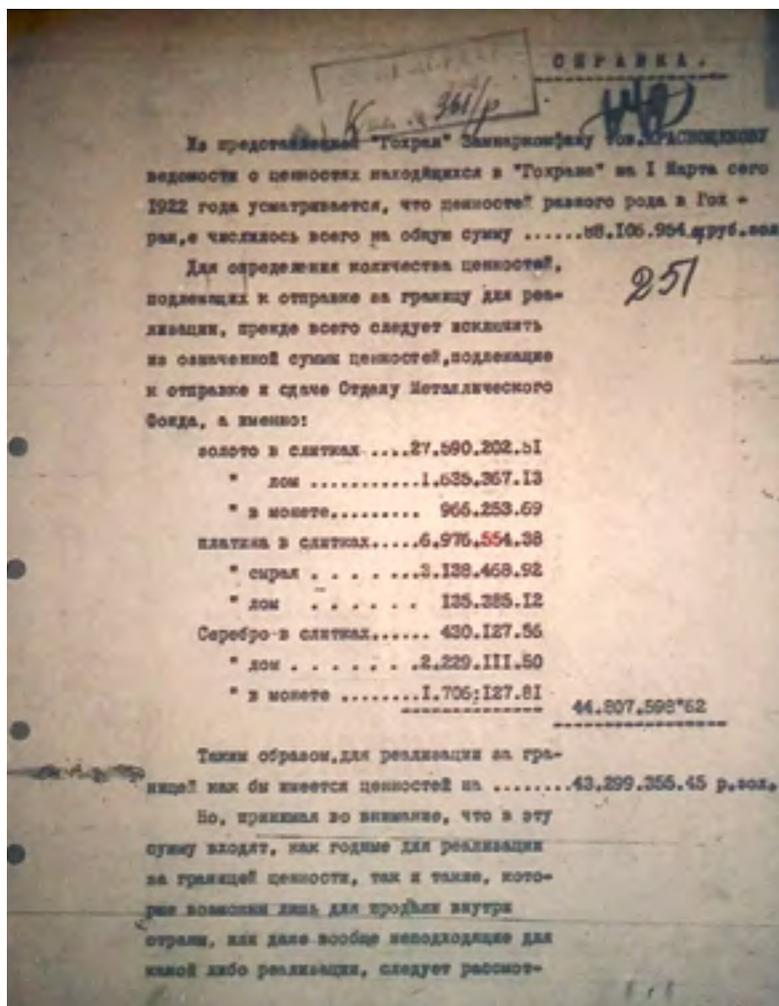
Ответ Патриарха был услышан и вызвал определенную перестройку в аргументации агитаторов. Изменение заключалось в смещении акцента в лозунгах с золота на серебро, причем в совершенно искусственной и бессмысленной, если не считать ее чисто агитационного значения, форме. Упомянутый нами Галкин (Горев) вновь пересчитал все ценности Русской Церкви и, сохранив образ семиверстного поезда с церковным имуществом, в этот раз приравнял его к стоимости 525 тысяч пудов серебра. А затем сопроводил заоблачные цифры столь же лукавыми расчетами: так как по довоенным ценам один фунт серебра стоил двадцать пять рублей и на каждый рубль можно было приобрести один пуд хлеба, значит на прокормление голодного человека до реализации нового урожая следовало потратить пять пудов хлеба — по одному в месяц, то есть металла голодающим губерниям хватило бы не на один год¹⁷. Возражения против новых «аргументов» Галкина последовали, хотя и не сразу, не только со стороны церковного общества, но и его коллег по агитации. Так, осенью 1922 года, когда уже стали известны предварительные и обескураживающие организаторов акции ничтожные итоги изъятия, епископ Иларион (Троицкий), находясь в архангельской ссылке, заметил в частном письме: «...в газетах лгали, что в храмах такие миллиарды, что ценностей будет поездов семь верст длины (это так писали бессовестные люди)»¹⁸. В тот же период, и не где-нибудь, а прямо в официальной отчетности, заместителем заведующего агитотделом Главполитпросвета

С. Б. Ингуловым было опубликовано вынужденное признание: «По расчету, сделанному в некоторых брошюрах и затем художественно воспроизведенному на плакате, казалось, что общее количество церковных ценностей может обеспечить все население Республики хлебом на два года. Между тем реальное значение изъятых ценностей определяется тем фактом, что $\frac{2}{3}$ реализованных ценн[остей] составили всего около 8 трил[лионов] руб., т. е. несколько более 2.000.000 [руб.] золотом. Как бы ни были велики хищения и утайка, все же надо признать, что агитация наша оперировала чрезвычайно преувеличенными цифрами...»¹⁹

Вместе с тем дело заключалось не только в сильном завышении стоимости церковных ценностей. Со стороны М. В. Галкина (Горева)³¹ имела место подмена понятий, ведь такого количества серебра у Церкви вовсе не было. Кроме того, у специалистов Народного комиссариата финансов (Наркомфина) были иные, чем у Галкина, представления об экспортном значении серебра в государственной казне. В начале 1922 года в отчете для Политбюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков) (ЦК РКП(б)) по золотому фонду ими было сделано соответствующее разъяснение в отношении белого драгметалла, имевшегося в распоряжении Наркомфина на сумму 17 636 314 золотых рублей:

*И. Владимиров.
Реквизиция
церковного
имущества
в Петрограде.
1922 г.*

Справка
о представленных
в Гохран
и находящихся
на хранении
ценностях
на 1 марта 1922 г.

«Следует, однако, иметь в виду, что серебро едва ли может иметь сбыт на основном нашем западном рынке...»²⁰ Что касается восточного направления торговли, то еще 7 сентября 1921 года Финансовая комиссия ЦК РКП(б) признала невыгодность выпуска слиточного серебра на рынках Средней Азии и постановила перечеканить на Монетном дворе предназначенное для Народного комиссариата внешней торговли СССР (Наркомвнешторга) серебро в персидские краны, а также прекратить до получения данной валюты закупочные продовольственные операции. Двадцать четвертого сентября Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о прекращении расходования слиточного серебра в Средней Азии и перечеканке его в краны²¹. С 1 сентября 1921 года по 24 мая 1922 года на Монетном дворе было начеканено 3 520 000 персидских кран и вывезено Металлическим фондом Валютного управления 2 900 000 кран²². Тем самым большевистская власть подтвердила, что, несмотря на масштаб

голодного бедствия, она не собирается себе в убыток реализовывать серебро в слитках ради хлебной нужды в Поволжье. Это значит, что и публикации агитаторов Троцкого о намерениях правительства закупить заграничный хлеб на слитки церковного серебра не соответствовали действительности.

Для помощи голодающим изъятие ценностей не требуется

Второй принципиальный тезис большевиков был связан с первым и состоял в том, что церковные ценности будто бы изымались именно для спасения голодных. И поскольку такая «благородная» цель оправдывала в их глазах весьма неблагоприятные средства, они, выдавая ложь за правду, пытались подтолкнуть народ к поддержке своей циничной атаки на Церковь: «И да будет трудящимися трижды проклят тот ханжа, пустозвон и лицемер, который, зная об ужасах Поволжья, — а он не может не знать о них, — не только словом, но даже мыслью станет на пути к этому “святому грабежу”, спасающему от мук голодной смерти миллионы людей»²³. Однако верующие не могли не заметить вопиющий недостаток в главном аргументе агитации, логично вытекающий из намерений властей изъять церковные драгметаллы любой ценой. Речь идет об отказе ЦК Помгол от христианской инициативы по замене предназначенных к изъятию святынь хлебом как в объеме общего заграничного займа на 100 млн пудов²⁴, так и в небольших размерах силами православных общин на местах.

Что об этом весной 1922 года говорили верующие, известно из самых разных источников, например из резолюции Велижского церковного комитета помощи голодающим, хранящейся в делах Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей в Государственном архиве Российской Федерации. Возражая против незаконного правительственного распоряжения об изъятии храмового имущества, но не вставая на путь сопротивления власти, члены комитета отметили в своем постановлении: «...сам собою возник вопрос о возможности выкупить подлежащие изъятию ценности соответствующим по ценам количеством хлеба, но на это имеется уже распоряжение о недопущении такого рода замены. Из всего этого следует, что изъятие цер-

ковных ценностей нужно не столько для оказания помощи голодающим, сколько для увеличения государственных ресурсов. Это понимает каждый — зачем же в таком случае говорить, как это делают газеты, что духовенство и послушные ему христиане забывают завет Христа и глухи к стонам голодных только потому, что им жаль расстаться с церковным золотом и серебром? Комитет выражает то убеждение, что помощь голодающим должна быть оказана, но для того изъятие церковных ценностей не требуется»²⁵. Осмысленно ответить на обоснованные выводы простых прихожан властям было нечем, что и отразила на указанной резолюции небольшая помета советского чиновника: «Преданы суду губревтрибунала».

Другой осознаваемый в обществе дефект обсуждаемого аргумента состоял в несоответствии объема работы по превращению ценностей в хлеб, требующего длительного времени для ее исполнения, острой нужде в скорой помощи умирающим от голода людям. Среди архивных документов Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей по этому вопросу имеется письмо на имя В. И. Ленина от председателя собрания прихожан Николаевской церкви г. Белого Смоленской губернии И. И. Кислянского. Сообщая о своей готовности к своевременной поддержке голодающих за счет замены изымаемых святынь хлебом в размере от 5 до 10 фунтов с семьи, собрание верующих обратило внимание вождя большевиков на бесполезность акции изъятия с указанной точки зрения: «...если комиссия отберет церковные ценности и имущество, превратит их в лом, разорит храм, приведет народ, пролетариев в отчаяние и уныние и волнение, и пока этот лом продаст и приобретет хлеб для голодающих за границей и он оттуда придет и поступит по принадлежности, — то минует голод, и хлеб уже будет не нужен — или же, в крайнем случае, голодающие, ожидая этого хлеба, погибнут голодною смертью»²⁶. Интересно, что такой же аргумент случайно и единственный раз прозвучал со страниц советский печати, что было связано с непреднамеренным конфликтом интересов двух одновременно ведущихся кампаний Отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС (агитпропа) — голодной и антицерковной.

- 2 -

252
415

реть каждого рода ценности в отдельности и внести в них соответствующие коррективы в процентном отношении.

На основании указанного подхода к определению суммы, на указанный 43,299.355.45 руб.золот., может быть начислена часть ценностей, подлежащая в настоящее время, и отправка за границу для реализации всего на 15,8 млн.руб.зол.

а именно:

	Значится по ведомости Госплан, а	\$	Принимается как годная к отправке для реализации /в млн.руб.золот./
Бриллиант	6.225.287	80 \$	5.0
Изумру	3.605.884	75 \$	2.7
Алмазы и цветные камни	2.427.231	50 \$	1.2
Золото в изделиях	6.735.645	50 \$	3.4
Чаши золотые	1.017.300	90 \$	0.9
" платиновые	318	-	-
" серебряные	104.234	-	-
" ружье	305.643	-	-
Платина в изделиях	2.152.795	50 \$	1.1
Серебро в изделиях	7.054.430	-	-
" ружье	883.828	-	-
Платина ружье	45.242	-	-
Золото ружье	228.247	-	-
Золото в художеств. изделиях	10.802.213	-	-
Ценности на складе быв. маг. Курянского	2.300.000	50 \$	1.8
			Всего.....15.3

Произошел данный казус в марте 1922 года на страницах газеты «Рабочий», где анонимный автор раскритиковал представления о возможности накормить всех голодающих за счет церковных богатств и высказал опасения, что из-за надежд на изъятие ценностей может сократиться приток идущих в стране жертв-

Изъятие церковных ценностей требовалось не столько для оказания помощи голодающим, сколько для увеличения государственных ресурсов.

вований в пользу Поволжья. Он же констатировал, что голод не ждет, а «трудности закупки и подвоза, превращения церковного золота и серебра в кусок хлеба для голодных настолько велики, что никак нельзя рассчитывать на немедленное значительное улучшение дела от этого»²⁷. Чтобы хоть как-то нейтрализовать столь обоснованную позицию здравомысля-

*Изъятие
церковных
ценностей
в Набилковской
богадельне.
Москва. 1922 г.*

щих людей, агитаторы занялись откровенной манипуляцией, то есть отождествлением изъятия и реализации церковного имущества с одновременным умалчиванием о необходимых для получения заграничного хлеба условиях. Например, редакция газеты «Рабочая Москва» подобным образом подвела итоги первого дня изъятия ценностей в столичных церквях в заголовке первой полосы: «31-го марта из московских храмов золота и серебра изъято около 60 пудов. За один день церковными ценностями Москва спасла от смерти 12 000 поволжских крестьян»²⁸. Если бы это было так! На арифметическую операцию по переводу храмового имущества на серебро и публикацию выдуманных лозунгов о его мгновенной «реализации» большевикам потребовалось не более чем полдня, и их не интересовали действительные проблемы в этой теме — наличие рыночного спроса, сроки переплавки изделий в слитки, подготовка торговой операции по продаже церковного антиквариата и другие трудности, которые позднее в полной мере испытала Комиссия по реализации ценностей Валютного управления Наркомфина в 1920-е годы.

Вместе с пониманием указанных прорех в данном агитационном лозунге часть верующих располагала уникальными сведениями,

полученными как из зарубежных источников, так и из собственных каналов коммуникации с компетентными в этих вопросах должностными лицами. Например, в православной листовке «Куда идет церковное золото», перехваченной в конце марта столичными чекистами в Рогожско-Симоновском районе г. Москвы, приводилось два доказательства в поддержку сомнений большинства русских людей относительно декларированной властями реализации ценностей. Первое доказательство состояло в ссылке на интервью руководителя Американской администрации помощи (АРА) Герберта Гувера, опубликованное в одной из французских газет 8 марта 1922 года, где утверждалось, что из-за безнадежного состояния советского транспорта советская власть не может даже вывезти зерно из черноморских портов, в связи с чем АРА готовилась прекратить отправку продовольствия в Россию. Второе соображение опиралось на ставший известным ответ заведующей Отделом музеев Народного комиссариата просвещения и супруги Л. Д. Троцкого Н. И. Седовой руководителю Экспертной комиссии Отдела музеев И. Э. Грабарю, пытавшемуся обосновать сохранение в музеях ценных в историческом отношении церковных вещей. Слова Седовой своему знаменитому сотрудни-

ку указывали на необходимость изъятия в качестве условия для создания солидного государственного фонда драгоценностей с намерением обеспечить признание советского государства на предстоящей европейской конференции в Генуе²⁹. То есть в этом изумительном случае христиане смогли в течение недели получить и распространить совершенно секретную и точную информацию о целях изъятия храмового имущества из ленинского письма членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года.

Только Церковь и ее Предстоятель имеют право отдать ценности

Третий значимый и также связанный с предыдущими тезис большевистской агитации был направлен против Патриаршего послания от 28 февраля 1922 года, в котором декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 23 февраля 1922 года квалифицировался как акт святотатства и утверждалось, что употребление священных предметов «не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство, мирянин отлучением от нее, священнослужитель — низвержением из сана (Апостольское правило 73, Двукратного Собора правило 10)»³⁰. «Опровержение» патриаршей позиции со стороны советских журналистов имело в своей основе очередные агитационные пособия Михаила Галкина (Горева)³¹ и чуть позже майские показания обновленцев, выступивших в роли «церковных экспертов» на первом судебном процессе против московского духовенства. Ссылка Патриарха на каноны, наставлял несведущих в данном вопросе коллег коммунист Галкин (Горев), является неубедительной и заведомой передержкой. Они не запрещают, а, наоборот, разрешают отдачу церковных сосудов «на вспоможение голодным и выкупленным»³².

После объявления в суде результатов экспертизы Послания газеты подтвердили ранее сказанное уже на основе анализа церковного взгляда на проблему: каноны, в том числе 73-е Апостольское правило и 10-е правило Константинопольского Двукратного Собора, по мнению советской прессы, действительно не запрещают изъятия священных сосудов государственной властью для спасения голода-

ющих³³. Поэтому-то Патриарх Тихон в любом случае не смог бы найти подходящее к этому случаю правило, и ему «пришлось сослаться на подложный канон: авось не разберут. Ан разобрали!»³⁴ Победные реляции сопровождалось историческими примерами благотворительности голодным со стороны святителя Иоанна Златоуста и других известных святителей, в том числе за счет священных предметов, и на допросе Патриарха Тихона в Московском революционном трибунале были дополнены разъяснением обвинителями законодательного аспекта изъятия ценностей.

Для православного народа, не доверяющего обещаниям большевиков в вопросе о ценностях, проблемы с каноническим обоснованием Патриаршего послания не существовало. А для Патриарха Тихона задача более подробного разъяснения церковной точки зрения стала возможной лишь на допросах в ревтрибунале и ГПУ, потребовав учета предъявленных обвинений и следующих из них угрожающих последствий. Эти условия определенно скорректировали выражение патриаршей позиции, однако не изменили ее сути. Пятого мая 1922 года в Московском ревтрибунале Патриарх решительно отверг выводы псевдоправославной экспертизы, оправдавшей акцию изъятия примерами благотворительности древних святителей, указав, что такого рода случаи связаны

Защита церковной точки зрения на изъятие осложнялась нежеланием Патриарха Тихона предоставить оппонентам какие бы то ни было отсылки к Поместному Собору 1917–1918 годов, имевшему в глазах властей контрреволюционный характер.

с самостоятельной церковной инициативой и не имеют ничего общего с государственным насилием. Только Церковь и ее Предстоятель, подчеркнул Патриарх, имеют право добровольно отдать ценности³⁵.

Что касается патриарших ссылок на каноны, духовенство и активные прихожане вполне могли знать, что указанное в Послании от

28 февраля 1922 года 73-е Апостольское правило было приведено в постановлениях Священного Поместного Собора Православной Российской Церкви по поводу декрета об отделении Церкви от государства. Вместе с 13-м правилом Седьмого Вселенского Собора оно послужило основанием для соборного постановления о несовместимости с принадлежностью к Церкви какого-либо участия в проведении кощунственного декрета, которым власти захотели лишить православный народ «храмов Божиих с их святынями»³⁶. Более того, специальным постановлением Собора «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания» от 12 сентября 1918 года на всех христиан возлагалась обязанность защищать церковные святыни всеми доступными средствами, не противными духу учения Христова, а в случае небрежения или безразличия прихожан в этом деле соответствующие храмы должны были быть закрыты и богослужение прекращено до раскаяния виновных³⁷. Таким образом, «подложных» канонов в Послании Патриарха Тихона не было, и дело заключалось в его соответствии московским соборным интерпретациям древних правил, в сравнении с которыми альтернативные трактовки публицистов типа Галкина теряли свою силу.

Тем не менее определенные затруднения в защите церковной точки зрения на изъятие у Патриарха Тихона имелись, и это было связа-

Лозунг помощи голодающим оказался лишь прикрытием секретной кампании по учету и сосредоточению национализированных богатств страны, в том числе церковных ценностей.

но с его нежеланием предоставить оппонентам какие бы то ни было отсылки к Поместному Собору 1917–1918 годов, имевшему в глазах властей контрреволюционный характер. Понятно, что они только добавили бы судьям лишний повод для квалификации Патриаршего послания в качестве «контрреволюционного» и вызвали ненужную волну нападков на Собор³⁸ (его материалы к этому времени и так уже были недоступны из-за ареста Патриаршей канцелярии на

Троицком подворье). Учитывая эти обстоятельства, Патриарх Тихон в защите своей оценки декрета от 23 февраля 1922 года как святотатства сделал упор на 10-е правило Двукратного Собора, оставив за Апостольским правилом вспомогательное значение. Именно 10-е правило содержало две необходимые Патриарху части — запрет на несвященное употребление сосудов и дефиницию святотатства как похищения святыни. Адекватность такой аргументации в трибунале была поставлена под сомнение: во-первых, каноны допускают исключения и не запрещают употребления священных сосудов на поддержку голодающих; во-вторых, декретом об отделении Церкви от государства Церковь была лишена права собственности, а значит изъятие советской властью храмового имущества не являлось святотатством, ведь власть не может красть свое.

С первым положением Патриарх Тихон согласился — он же никогда и не утверждал обратного, а лишь считал неуместным говорить об исключениях из правил. Тем не менее такое уточнение вызвало новые вопросы о причинах патриаршего отказа в благословении на передачу сосудов властям в условиях канонической возможности выбора между сохранением церковных вещей и гибелью миллионов голодающих, однако Предстоятель отверг предложенную ему лукавую дилемму. При этом он не стал говорить судьям ни о невозможности реализовать ценности в требуемый срок, ни о том, что сама «благотворительная» цель антицерковного декрета именно в контексте его святотатственного характера, предваряющей травли духовенства в прессе и срыва состоявшихся договоренностей о церковных сборах с ЦК Помгол выглядела сомнительной. Ясно, что напоминать в суде о недоверии христиан лозунгам кампании, о чем он высказывался публично еще в марте, не было смысла, ведь уже в апреле, когда к организованному Л. Д. Троцким якобы православному «контролю» за реализацией добавились лживые сообщения в прессе о закупке хлеба за границей «на церковные ценности»³⁹, аргумент недоверия начинал терять свое polemicкое значение. В связи с этим Патриарх Тихон решил ограничиться верным и непоколебимым обоснованием своей позиции: «Я за это отвечаю перед судом Церкви»⁴⁰.

По второму тезису обвинителей Патриарх Тихон возразил, что по канонам имущество храмов принадлежит именно Церкви, а его Послание с обличением в святотатстве организаторов и участников кампании «с точки зрения церковной законно»⁴¹. Тогда всем стало ясно: патриарший взгляд естественно простекает из его приверженности церковному законодательству, несмотря на противоречие последнего советским декретам. Через полгода на допросе у особоуполномоченного ГПУ Я. С. Агранова Патриарх Тихон уточнил, что святотатство советской власти заключалось в ее решении изъять церковные ценности самостоятельно, «помимо Патриарха»⁴². Не добившись от Предстоятеля нужных признаний, следователи решились на подлог его показаний во время допроса от 11 января 1923 года и в обвинительном заключении написали о его мнимом согласии с тем, что изъятие и употребление властью священных предметов на дела милосердия не противоречит канонам и не является святотатством. В действительности на указанном допросе Патриарх употребил вместо приписанного ему слова «изъятие» слово «выдача», то есть даже в условиях грозящего ему смертного приговора не согласился изменить прежнюю позицию неодобрения насилия над

Русской Церковью на противоположную. Более того, позднее в тексте своего компромиссного заявления о раскаянии в антисоветских действиях в Верховный Суд РСФСР от 16 июня 1923 года, составленного с целью борьбы с обновленчеством и восстановления запрещенных государством органов церковного управления, он сообщил о неточностях, допущенных составителями обвинительного заключения по его делу⁴³.

Сосуд освященный никто же да не присвоит на свое употребление

Согласно современным историческим исследованиям, лозунг помощи голодающим оказался всего лишь прикрытием секретной кампании по учету и сосредоточению национализированных богатств страны, в том числе церковных ценностей⁴⁴. Изъятые будто бы для покупки заграничного хлеба голодающим имущество русских храмов поступало из губерний в центр на протяжении 1922–1925 годов. К концу августа 1922 года в Государственном хранилище ценностей (Гохране) было отсортировано только 3 пуда церковного золота из 18 поступивших и 4,5 тыс. пудов серебра из 18,5 тыс. имевшихся пудов⁴⁵. Оценка стоимости отсортированных драгоценных камней

Снятие колокола. 1928 г. Фото из архива Национального музея Чувашии (слева)

Уничтожение колоколов Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Фото М. Пришвина. 1929–1930 гг. (справа)

Жители Москвы у церкви во имя великомученика Георгия (снесена в 1932 г.) на Моховой улице во время изъятия церковных ценностей. 1922 г.

составила лишь 211 563 золотых рубля. В том же месяце из Гохрана в Петроград на Монетный двор ушла первая партия серебряного лома ЦК Помгол в объеме 5008 пудов⁴⁶, и в плавку она отправилась только в следующем году. Август же, по причине грядущего урожая, был последним месяцем заграничных закупок продовольствия Наркомвнешторгом, и тем торгпредствам, которые не успевали до сентября ввести закупленный хлеб в Россию, рекомендовалось реализовать его на зарубежных рынках⁴⁷. Чтобы скрыть правду о настоящей реализации церковного имущества от населения, Наркомфин решил сменить форму финансирования Помгола и вместо прежнего авансирования стал выкупать его у ЦК Помгол и преемственных ей организаций. Двадцать девятого июля 1922 года ЦК Помгол и Наркомфин заключили соответствующий договор, на основании которого в течение трех лет были подписаны 11 соглашений о продаже ценностей. Смысл этой сделки как раз и заключался в необходимости агитационного прикрытия при помощи ЦК Помгол неафишируемого расхода церковного металла на денеж-

ную реформу⁴⁸. Но у этого «прикрытия» были два неудобных свойства, ниспровергающие основные положения агитационной кампании в поддержку ограбления храмов. Первое заключалось в том, что Наркомфин заплатил Помголу за церковные ценности не золотой валютой, а стремительно падающими в цене отечественными дензнаками. Подобное решение не только не добавило голодающим обещанного хлеба, но и вошло в противоречие с разобранным нами выше февральским тезисом агитации, по которому для спасения Поволжья требовалось золото, а не быстро обесценивавшиеся советские бумажные деньги.

Седьмого сентября 1922 года с целью подготовки к экспорту российского хлеба ВЦИК принял политическое решение о завершении борьбы с голодом, а в середине октября ЦК Помгол была заменена на Центральную комиссию при ВЦИК по борьбе с последствиями голода 1921 года (ЦК Последгол), при том что в стране оставалось еще не менее 8 млн голодающих.

Второе свойство являлось не менее интересным. В лице Наркомфина покупателем храмо-

вого имущества выступило само государство, и этот факт осознавался всеми участниками сделки. Например, согласно протоколу совещания о сметах наркоматов от 14 мая 1923 года, сокращение сметы ЦК Последгол было произведено на основании того, что «Последгол имеет серебряный фонд, который покупается у него государством»⁴⁹. То есть советское государство воинственно и без компенсаций отобрало золото и серебро у Русской Церкви, бесплатно передало их Помголу для закупки зарубежной муки голодающим, не краснея купило их у Помгола за напечатанные Управлением фабрик изготовления государственных бумаг (Гознаком) дешевые фантики, с радостью отправило их на Монетный двор для изготовления монет и сурово

провело показательные расстрельные процессы против несогласных. Красть принадлежащие ей ценности власть никак не могла — не это ли настойчиво пытались растолковать изумленному Патриарху Тихону в ревтрибунале? Но купить эти же ценности государству большого труда не составило, и это являлось уже не святотатством, а настоящей циничной аферой на уровне государства, вполне возможной, если им управляют люди с «революционной», а на самом деле преступной психологией. Подводя итоги сказанному, остается констатировать, что рассекреченные архивные источники полностью подтвердили правоту христианской аргументации в защиту изъятых в 1922 году церковных святынь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Крывелев И. А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. М., 1982. С. 48.
- ² Лившиц Г. М. Религия и Церковь в прошлом и настоящем. Минск, 1961. С. 78.
- ³ Лебедев А. Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и Церковь. Сталинград, 1940. С. 41.
- ⁴ Амосов Н. К. Октябрьская революция и Церковь. Изд. 2-е. М., 1939. С. 30.
- ⁵ Напр.: Одинов М. И. «Изъять из церковных имуществ...» // Гласность. 1991, 1–7 августа. № 31. С. 6; Он же. Золото Льва Троцкого // Религия, Церковь в России и за рубежом. Информационный бюллетень № 6. М., 1995. С. 65; Он же. Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. I: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. М., 1999. С. 46 и пр.
- ⁶ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: В 2-х кн. Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 67.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 855. Л. 46 об.
- ⁸ Флеровский И. Будем следовать примеру саратовцев // Красная печать. 1922, 20 апреля. № 14. С. 8.
- ⁹ Криптон К. Защита каноничности Православия. 1922–1925: По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 128. С. 222.
- ¹⁰ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 68.
- ¹¹ «Красный крест» и духовенство // Красная газета. 1922, 9 февраля. № 31. С. 3.
- ¹² Сиротинин Л. Церковные ценности голодающим // Рабочая Москва. 1922, 7 февраля. № 1. С. 4.
- ¹³ Горев М. Голод и церковные ценности. М., 1922. С. 31.
- ¹⁴ Там же. С. 24.
- ¹⁵ Церковные ценности для помощи голодающим (беседа с Патриархом Тихоном) // Известия ВЦИК. 1922, 15 марта. № 60. С. 5.
- ¹⁶ Голодающие у Тихона // Известия ВЦИК. 1922, 26 марта. № 69. С. 2.
- ¹⁷ Горев М. Сколько людей спасает каждый фунт церковного серебра? // Известия ВЦИК. 1922, 23 марта. № 66. С. 2.
- ¹⁸ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь, 2000. С. 413.
- ¹⁹ Ингулов С. Агитационная кампания Помгол // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: Сб. статей и отчетов. М., 1922. С. 155.
- ²⁰ Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. М., 1994. С. 153.
- ²¹ ГА РФ. Р-130. Оп. 29. Д. 56. Л. 5–6.
- ²² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8363. Л. 28.
- ²³ Горев М. Голод и церковные ценности. С. 32.
- ²⁴ Голодающие у Тихона. С. 2.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 54.
- ²⁶ Там же. Л. 665.
- ²⁷ Церковное золото и сбор пожертвований // Рабочий. 1922, 12 марта. № 11. С. 2.
- ²⁸ Рабочая Москва. 1922, 2 апреля. № 47. С. 1.
- ²⁹ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь: В 2-х кн. Кн. 2. М.; Новосибирск, 1998. С. 125.
- ³⁰ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сб. документов из Фонда Реввоенсовета Республики / Сост. диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский. М., 2006. С. 157. «Правило 73. Сосуд златый, или серебряный освященный, или завесу, никто же да не присвоит на свое употребление, беззаконно бо есть. Аще же кто в сем усмотрен будет: да накажется отлучением» (Правила Святых Апостолов // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского: В 2-х т. М., 1996. Т. I. С. 154). Фрагмент 10-го правила Двукратного Собора: «А взимающих для себя или для других, на не священное употребление, сосуды или одежды, вне алтаря употребляемые, и правило отлучает, и мы купно отлучаем: совершенно же похищающих оныя подвергаем осуждению святотатцев» (Правила святого IX Поместного Собора Константинопольского, Двукратного, 861 года // Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима. Т. II. С. 303).
- ³¹ Иванов С., свящ. Агитационная кампания советской власти против Патриарха Тихона в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г. // 1917 год: революция, государство, общество и Церковь / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров; сост., науч. ред. И. В. Поткина. М., 2019. С. 278.
- ³² Материалы для агитаторов по вопросу об изъятии церковных ценностей для голодных. М., [1922]. С. 16.
- ³³ Разъяснения экспертов // Рабочая Москва. 1922, 6 мая. № 72. С. 1.
- ³⁴ Чаров А. Патриаршие каноны // Правда. 1922, 16 мая. № 107. С. 1.
- ³⁵ Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 137.
- ³⁶ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сб. документов из Фонда Реввоенсовета Республики. С. 130.
- ³⁷ Там же. С. 133.
- ³⁸ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 46.
- ³⁹ Покупка хлеба на церковные ценности // Известия ВЦИК. 1922, 1 апреля. № 74. С. 2; Один миллион золотом в счет реализуемых церковных ценностей // Там же. 1922, 11 апреля. № 81. С. 2.
- ⁴⁰ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 137.
- ⁴¹ Там же. С. 134.
- ⁴² Там же. С. 190.
- ⁴³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943: Сб. в двух частях / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 280.
- ⁴⁴ Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1921–1925 гг.) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. М., 2004. С. 390.
- ⁴⁵ Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.: Сб. статей и отчетов. М., 1922. С. 452.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-4085. Оп. 28. Д. 88. Л. 412.
- ⁴⁷ См.: Германов Л. Экспорт хлеба // Внешняя торговля. 1922, 14 августа. № 11. С. 1; К запрещению ввоза хлеба // Внешняя торговля. 1922, 28 августа. № 12–13. С. 18.
- ⁴⁸ См.: Иванов С., диак. Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 38–63.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-1066. Оп. 2. Д. 11. Л. 181.